

29. ГОЛУБАЯ ЕЛЬ

Деревня Тупка издали представляет светло-фиолетовое облако над холмистым полем. Я, помню, подумал, что с той стороны, навстречу мне, надвигается дальняя гроза. Я ехал в Тупку в первый раз и не знал, что впереди над полем парят тупчанские липы.

Трехсотлетние липы стоят рядами, сомкнув кроны, сплетясь воедино. В дождь под их шатром можно долго идти посуху, слушая вверху мощный шум листвы и представляя, что над тобой шумят неушедшие века.

Когда липы зацветают, деревня Тупка превращается в звенящий белый рай. Невидимые пчелы звенят в унисон кудахтанью кур, щебету ласточек, карканью ворон, мычанию коров. Все вместе взятое лирики называют деревенской тишиной.

Так вот, лирики, тупчанскую тишину периодически нарушает вой собаки. Он похож на жалобный плач, на безответную просьбу. Будто беззащитный ребенок плачет и плачет, и никто не обращает на него внимания. Нет, все-таки обращает. Деревню накрывает грубый мужской окрик: "Стихни, б...ь!" И вновь наступает деревенская тишина.

Если побродишь под липами, заметишь продуманную архитектуру усадебного парка с ядром-поляной, с лучами-аллеями, со светлыми лужайками, с открытым выходом на крутой берег реки Свислочь, грациозно изгибающейся внизу. Деревня Тупка до революции была панской усадьбой.

В 1917-ом народ под руководством большевиков прогнал панов, но их дом на поляне почему-то не сжег. А горел бы хорошо, потому что был деревянный. Панский дом разграбили, оставив голые стены.

Три десятилетия дом простоял без окон и дверей, однако под крышей, настолько крепка была осиновая дранка. В шестидесятых годах крыша провалилась, колхозный глава наконец решил разобрать дом, чтобы что-нибудь из него построить. Стены были сложены из толстой обрезной сосны, бревна соединялись дубовыми штифтами и кованными четырехгранными гвоздями невероятной длины. Дом ставился на века и не был предназначен к разборке. Поковырявшись над панскими стенами, колхоз отступил, оставив дом полуразобранном.

Добытые бревна председатель велел сложить у деревенской бани. Под открытым небом прекрасный стройматериал пролежал свыше тридцати лет. К концу девяностых от внушительного штабеля осталась куча трухи в зарослях репейника.

Остатки дома тогда же, в шестидесятых, продолжили разбирать сельчане. Кто сколько смог либо захотел, столько себе и отломил, сложил под временный навес. У каждого в Тупке припасено немного панского добра. Как стройматериал толстые бревна уже не пригодны, попилить их на дрова тяжеловато. Так и лежат.

Деревня Тупка не собралась в одно целое. Ее трудно заметить. Она как бы разбрызгана в природе. Под липами, в удалении друг от друга, приткнулись три барака, не образующие общей улицы. Бараки соединены дорогами, каковые при панах были парковыми аллеями. По обе стороны внутридеревенских дорог навалено хлама, из него образовались валы, на валах выше человека стоит репейник.

Подойдем к бараку. Барак черный, приземистый, с волнообразной крышей. С одного конца он необитаем, торчат голые стропила, окна-двери выломаны, крыльцо рухнуло, на стене ржавая табличка "Клуб". На соседнем крыльце белеет свежая доска, что указывает на присутствие человека, на то, что деревенская жизнь продолжается и без клуба.

Напротив обитаемой секции барака растет бесформенная вишня, подправлен забор, на заборе висят горшки и тряпки, у калитки вкопана скамейка. У следующей калитки вкопана своя скамейка. А всего их, калиток и скамеек, по четыре, значит, в бараке живут четыре семьи. Барак достался им от родителей, первых колхозников.

В конце двадцатых колхоз по-быстрому сколотил в Тупке три барака каждый на четыре-пять семей, поселил туда бывшую панскую прислугу и заезжих горемык. В бараках прошла жизнь трех поколений колхозников-тупчан.

Последние старики перемещаются из временных бараков в кладбищенскую вечность, расположенную в двух километрах от деревни. Хоронить их приезжают дети, которые все как один перебрались за сорок километров, в Минск, тем самым прервав колхозные династии и барачное бытие.

Вокруг бараков налеплены сарайки. Их не счесть. Они всевозможных размеров, высоких как правило нет, на плоскую крышу можно без лестницы положить дозреть желтую сентябрьскую тыкву. Сарайки сооружены то из досок, то из шифера, то из обгоревших листов железа. Встречаются сарайки, где стены из ... тюков соломы. Большие капитальные сараи в Тупке не в моде. На скорую руку по мере надобности создаются строительные экспромты. Допустим, задумал барачник завести корову — мастерит на

свободном пяточке сарайчик; задумал вырастить телочку — для нее лепит отдельный сарайчик; к телячьему — приставляет свиной, овечий, куриный, гусиный ...

Одним словом, скотина в Тупке устроена лучше людей, каждой тваре отведен персональный закуток. Права животного в Тупке опережают права человека.

Из сараек, туалетов, навозных куч текут нечистоты, проникают в землю, в подземные воды, в Свислочь. Тупчане сообразили, что погреба надо рыть подальше от жилого места, в парке.

В Тупке погреб — это глубокая круглая яма, над которой положена двускатная крыша. В погребах, построенных блоками по четыре-пять штук, хранят картофель и кормовую свеклу.

В начале лета ямы очищают и о погребах забывают. Низкие крыши быстро скрываются в лопушистом бурьяне. В августе, когда настает картофельная страда, хозяин является к погребу с топором, прорубает в бурьяне дорожку, чтобы проехал воз.

С трех сторон света простирается холмистая колхозная земля, с четвертой — течет река. Приусадебных участков у тупчан никогда не было. Картофель выделял (за мизерную плату) колхоз, а мог, в случае недорода, и не выделить.

В начале девяностых последнее поколение колхозников-тупчан вышло на пенсию, в связи с чем колхоз прекратил снабжение картофелем и сеном. Люди и скотина уравнились на пороге голода. Неожиданную помощь оказал председатель сельсовета, человек местный, а потому участливый. Он добился, чтобы тупчанам отрезали от колхоза единый кусок земли. Кусок поделили на барачные семьи — каждой вышло по 12 соток. Поскольку старики не могли справиться с землей, передали сотки городским детям. Детей и внуков тупчанские старики зовут: дачники.

С апреля по октябрь минские дачники приезжают в Тупку каждую пятницу, уезжают в воскресенье. В пятницу дачники мужского пола, а это выходцы из Тупки, прежде всего напиваются, дачники женского пола, а это невестки Тупки, спешат на участок и принимают там известную сексуально-дачную позу.

В субботу с раннего утра женщины уже на грядке, кажется, они и не спали. Мужчины являются позже, движения их замедленны, они часто отдыхают, тяжело и грустно опершись на тяпку, ждут обеда, обеденной опохмелки, вечерней выпивки, переходящей в воскресную утреннюю опохмелку, после какой пора собираться в Минск.

Двенадцать соток земли не зарастают тупчанским репейником и дают минским тупчанам овощи благодаря женскому труду. Эффект от земли был бы выше, если бы 12 соток огородить от кур и гусей. Но тупчанские мужчины, продолжая безземельную психологию родителей, не признают необходимости забора как важнейшего функционального компонента СВОЕЙ ЗЕМЛИ.

Садов три поколения тупчан не завели. Без собственного дома ни к чему собственный сад. Панский парк включает в себя и панский сад, подчиняя его общей композиции. В старый сад, разделяя его на сектора, вклиниваются липы, защищая яблони от морозов, от жестоких ветров, несущихся из колхозных просторов. Панскому саду примерно сто лет.

Можно записать в энциклопедии, что яблоня в Беларуси при умелом размещении живет сто лет, ежегодно плодоносит, снабжает плодами пролетариев деревни Тупка, их минских наследников, а также несчетную рать любителей дармовщины.

Не обойтись без примечания. В последние годы созревает редко какое яблочко. Во второй половине лета в Тупке объявляется свора крепких ребят на автомобилях. С деловым разговором они разбредаются по саду, лезут на яблони, трясут мелкую зелень, наполняют мешки, грузят в машины, уезжают.

В трехстах метрах от Тупки, на холме, на небесном фоне, хорошо заметны закопченные развалины. "Это древняя крепость?" — спрашивает городской внук. "Это колхозный коровник", — отвечают родители, и они не врут. В Тупке живет человек, который тот коровник построил. Его зовут Вилор Александрович (ВИЛОР — Владимир Ильич Ленин Организатор Революции).

Вилор приехал в Тупку после войны. Он сирота-ленинградец, мастер на все руки. В пятидесятых годах колхоз разместил в Тупке молочную ферму. Резон имелся: по ту сторону реки лежал заливной луг, по эту сторону подтянулись к возрасту доярок тупчанские девчата. Вилор с другом строили коровник три года. Стены сделали кирпичные, перекрытия — деревянные, крышу — из листов жести. Построив коровник, Вилор сорок лет проработал на тракторе.

В 1992 году, летней ночью, Вилор проснулся, вышел на улицу, по привычке глянул на свой коровник, вместо электричества увидел пламя, побежал туда. Дед спас 150 коров, вытолкнув каждую из огня. Опалил волосы, нос, руки, "потерял ноги", как он выражается. Вид горящего коровника потряс его нервную систему. Начали болеть ноги, да так, что не нажать на педаль. Пришлось оставить трактор и в 62 года выйти на пенсию.

Но это еще не вся беда от пожара. Пришлось бросить охоту на зайца и утку, что водились по ту сторону реки, на лугу, в приречных кустах. Джека,

охотничьего пса бежевой масти, дед Вилор привязал на цепь у вонючего сарайки, рядом с навозной кучей.

Джек плачет, просит воли, бередит душу, будит деревню. Как Джек завоет, так дед Вилор кричит: "Стихни, б...ь!" Кричит он на пса не потому, что злой. Дед кричит и ругается от тоски.

Коровник — часть семейной жизни Вилора Александровича. Миллион раз он, жена, трое детей произнесли это слово: КОРОВНИК. В семнадцать лет жена Нина Петровна пришла на коровник дояркой. Вставала в четыре, ложилась в двенадцать. Сначала доила руками, затем — аппаратом "доильное ведро". Ведрами и навозными вилами вывернула руки, резиновыми сапогами застудила ноги, вечным недосыпанием испортила нервы, тревожной беготней между бараком и коровником надорвала сердце.

В честь ее жизни, отданной коровнику, у ее окошка стоит памятник — ГОЛУБАЯ ЕЛЬ. На фоне черной барачной стены, на фоне беспорядочной деревенской зелени строгая голубая ель смотрится торжественнее, чем у кремлевской стены.

Маленькую елочку Нина Петровна привезла из Москвы в красном горшочке как подарок от ВДНХ, куда ее, лучшую доярку области, Героя Социалистического Труда, направляли делиться опытом. Выше московской ели в Тупке только панские липы.

Деревня Тупка невозможна без моста. По ту сторону реки все блага: луг, пастбище, лес, грибы-ягоды, дрова. Деревянный мост в Тупке был всегда. Сквозь дыры блестела вода, перила отвалились, на съездах настил осел и шатался.

Мост сокращал дорогу до заречного сенокоса. По мосту осторожно переходили колхозные и личные коровы, проезжали трактора с прицепами, повозки, "козлик" председателя колхоза, подержанные иномарки тупчан-минчан. Автор хроники тоже пару раз проявил героизм, проехал на личном авто.

Река у Тупки сильная, валит с ног, если встанешь на дно посередине. Когда-то река крутила здесь водяную мельницу. В 1996 году весенняя Свислочь срезала половину моста. Тупка осталась ни с чем.

Просить починить мост деревня делегировала к председателю колхоза Вилора Александровича как мастера на все руки, как спасителя колхозных коров. Председатель изрек афоризм: вам надо, вы и чините. Дед Вилор собрал у односельчан немалую (относительно их нищенских пенсий) сумму, организовал покупку и доставку длинных сосен, свайного материала.

Мостовые детали были сложены у реки в ожидании лета, когда в деревню поприезжают на каникулы и в отпуска внуки. Из внуков дед Вилор планировал создать строительный отряд и вручную, древним методом, построить мост.

Внуков удалось заманить самогоном. Заточили сваи, сделали из тяжелой чурки "бабу", которую, стоя на шатких подмостках, необходимо вчетвером поднимать за вбитые в нее металлические скобы и резко опускать на торец сваи, медленно вгоняя ее в речное дно.

Внуков хватило на восемь свай (четыре пары), а нужно вбить двадцать штук. Не захотели на за что. Хватит тебе, дед, восемь. На редкие сваи положили поперечины, на них приладили доску. Получилась шаткая кладочка, ступить на нее рискнет далеко не всякий.

Дед Вилор три лета подряд ходил к внукам на берег реки, где они загорали, играли в карты, пили водку, пытался вернуть их на жизненно необходимую стройку. Не уговорил ни собственных, ни соседских. Материал, заготовленный для моста, подгнил, пришел в негодность. Затея провалилась, деревня осталась без моста, без заречного пастбища.

Дед Вилор сделал для коровы ошейник, к нему цепляет веревку. И идут они рядышком, хозяин и корова, привязанные один к другому, ведут друг друга на какой-нибудь клочок травы.

Нина Петровна тоже хотела, чтобы построили новый мост. Передвигается она с трудом, доходит до кладки, стоит, тяжело дышит, смотрит на ту сторону, на раздольный луг, на синий лес, на облака, на птиц — на отрезанную РОДИНУ СВОЮ.

Один раз попросила Вилора свозить ее туда, на ту сторону, где когда-то был их шалаш. Скоро помру, хочу там побыть последний разочек. Вилор поворчал, попросил у соседа коня и повозку, окольным путем, через другие деревни, повез Петровну к их шалашу, о котором в Тупке знают все старики. В непролазном пограничье луга и леса сорок пять лет назад Вилор и Нина сделали шалаш и, радуясь освобождению от барачной перенаселенности, отдавали там друг другу свою любовь.

В 1998-м в Тупку пришло очередное бедствие — строительство газопровода Ямал-Европа. Черный червяк трубы пролегал в полкилометре от деревни по лучшим колхозным полям, по дну переполз речку, искорежил берега, не пожалел заречный луг, прорыв в нем траншеей и лишив имени ЛУГ, пробил прогал в лесу.

Тупка молча терпела нашествие транзитных ямало-европейцев, испоганивших глубокими колеями местные дороги и тропинки. Не выдержал

Вилор. Его корова набрела на ржавый трос, брошенный строителями, и поранила вымя. Вилор нашел ихнего начальника, тот оказался кавказцем, причем вежливым. Не перебивая и не возражая выслушал монолог Вилора об испорченных окрестностях, пообещал кратко: "Задэлаем".

Рассказывая позже о том разговоре, Вилор повторяет с кавказским акцентом "задэлаем", после чего гневно матерится. Газовый начальник обманул. Спрятав трубу в землю, строители оставили наверху вдоль трубы лунный ландшафт: кучи желтой земли, сухие ямы, валуны, груды железобетона.

Широкая трасса газопровода выделяется на зеленом белорусском фоне и наверняка видна из космоса. Перед нами поистине грандиозное дело рук человеческих. Чтобы читатель не сомневался, скажу, что единственным рукотворным сооружением на земле, хорошо различимым из космоса, до сих пор являлась Великая китайская стена. Газопровод Ямал-Европа, перерезавший Беларусь по центру с северо-востока на юго-запад, — это **ВЕЛИКАЯ БЕЛОРУССКАЯ ПЛЕШЬ**.

Уточню. В отличие от Великой китайской стены, Великая белорусская плешь недолговечна. По той причине, что неизбежно покроется сорняками. А сорняки для тупчан привычны. Возможно, о газопроводе, скрытом в типичном репейнике, тупчане вскорости забыли бы, если бы он не напоминал о себе бесформенными кусками железа на берегу реки, колдобинами на дороге, которую подрывала труба, тросами, разбросанными окрест и представляющими серьезную опасность для людей и скота.

Следы газопровода тупчане называют "задэлки". Но это еще не все, что принесла в Тупку труба, проползая из Азии в Европу.

Деревенская баня стоит под крайней колонной панских лип. Вода подавалась из водонапорной башни, построенной для коровника. Топили баню в субботу. Сначала мылись мужчины, затем — женщины. Банный день был сродни праздничному.

К бане строители-газовики притащили будку на колесах, бесплатно подключили ее к электрощиту бани. В будке они отдыхали, обедали, ночевали. В баню же ходили по большой нужде. Навечно лишили ее имени БАНЯ. Тупчане стали мыться в бараке. В корыте, как нетрудно догадаться. И не каждую субботу, чтобы поменьше иметь возни с корытом.

Когда строители убыли в направлении Европы, будку то ли забыли, то ли бросили. Возможно, еще вернуться, чтобы проложить параллельный газопровод. Президент пообещал, что благодаря второй трубе жизнь в Беларуси улучшится в два раза. Не знаю, какова методика подсчета. Мой же

подсчет прост и нагляден: если в Тупку повторно нагрянут ямало-европейцы, то в окрестностях деревни удвоятся "задэлки", а в бывшей бане — куча...

Таким образом, Великая белорусская плешь трансформируется в БОЛЬШУЮ БЕЛОРУССКУЮ КУЧУ.

Что до будки, то без употребления она простояла зиму, весну. Летом городские внуки нашли ей применение, без труда вскрыв железную дверь. Вечером они набирают самогона, включают в будке свет, врубают магнитофон.

Молодежь гуляет до рассвета, когда запоют петухи и остальные птицы, а также проснется и заплачет Джек. Тогда во двор выйдет Петровна и пообещает Джеку на всю деревню: "Ну, б...ь, убью!"

1999

www.kamunikat.org